

До тебя...

Автор:

Марина Кистяева

До тебя...

Марина Анатольевна Кистяева

Взрыв в московском метро разделил три жизни на «до» и «после»...

Жена миллионера, спустившись в метро в порыве отчаяния...

Молодая сирота, приехавшая поступать в столичный ВУЗ и пробивающаяся в жизни, не рассчитывая ни на кого, кроме себя...

И он, которому сообщили о трагедии слишком поздно...

Марина Кистяева

До тебя...

Пролог

...Он хорошо помнил день их знакомства.

Ярко светило солнце, настроение у окружающих людей было соответствующим – всем хотелось улыбаться и радоваться погожему летнему деньку.

И она была яркой и прекрасной. С белокурыми волосами, заплетенными в толстые косы.

Стояла у своей машины, растерянно заглядывая под днище и наблюдая там печальную картину вытекающего масла.

Он хотел пройти мимо. К черту... У него-то как раз было дурное настроение. Он и сорвался в город один, без шофера по той причине, что хотел побыть в одиночестве. Порой людской гомон его прилично доставал.

Он уже проходил мимо, к своей машине, припаркованной по стечению обстоятельств – как интересно, не правда ли? – рядом с её.

А она выпрямилась, сделала шаг назад и угодила тонким каблучком в выщерблину на асфальте.

– Ай...

Она стала падать.

Он её поймал.

Красивая. Нежная. С печальными, смущенными глазами.

Лживая сука...

Глава 1

– Миша, подожди!

Он даже не замедлил шага.

Как шел по длинному коридору, ведущему к лестнице, так и продолжил.

- Миша, да подожди, прошу!

Быстрый цокот каблуков за его спиной не утонул даже в высоком ворсе ковра.

Михаил Зареченский плотно сжал губы, подавляя в себе всколыхнувшуюся злость.

Врачи запретили ей ходить на каблуках. Травмоопасно. Но что ей предписание врачей, когда дело касается её внешности?

Ему пришлось притормозить.

- Что? - бросил, не скрывая раздражения.

- Возьми меня с собой.

Нечто подобное он ожидал услышать.

- Нет.

- Пожалуйста...

- Нет.

Последние дни все их разговоры сводились к аналогичному диалогу, лишь иногда менялись акценты и эмоции.

Михаил остановился, переведя дыхание.

Он никогда не бил женщин. Отец с ранних лет внушил ему, что женщины - это нежные, добрые создания, созданные для счастья и любви. Их необходимо холить и лелеять. Оберегать и защищать. Михаил ему поверил.

Зря.

Жизнь раз за разом показывала, что женщины коварные и расчетливые, что в игре «кто кого» они дадут фору любому мужчине.

Но бить женщин... Низко. Подло.

Лишь это останавливало Зареченского, чтобы не надавать жене оплеух. И не только оплеух. Поэтому он каждый долбаный вечер проводил несколько часов в бассейне или тренажерном зале, выпуская пар, вместо того, чтобы спокойно спать в супружеской кровати и планировать следующий день.

Ладони горели всё сильнее.

- Миша, мне надо в город. Ты едешь туда.

Настя всё же догнала его, он бессознательно затормозил, чтобы эта дура не споткнулась и не растянулась на полу, травмируя себя и... его ребенка.

- У тебя есть водитель, - сказал, как отрезал.

- Я Вадима отпустила на станцию тех обслуживания.

- Возьми Игоря.

- Он тоже уехал.

Подготовилась, значит.

- Вызови такси.

- Черт побери, Зареченский, ты что, не можешь подвезти в город собственную жену? Хочешь, чтобы я таскалась по такси?

Она очень редко показывала своё истинное лицо.

Михаил резко обернулся, сжимая кулаки.

Настя успела подойти достаточно близко, чтобы он почувствовал дурманящий аромат её духов и ощутил всю силу её обаяния. Как всегда, она выглядела идеально. Подготовилась. Белокурые волосы свободно падали по плечам, как он любил. Макияж неброский, как он любил. Точеная миниатюрная фигура даже не пополнившая из-за беременности, облачена в платье свободного кроя его любимого цвета слоновой кости. В руках – небольшая сумочка-клатч. Лишь с туфлями она промахнулась – обула босоножки на высоком каблуке, хотя он уже озвучил свою позицию по поводу обуви при вынашивании беременности.

– Пошли.

Он не собирался с ней спорить. Надоело. Смотря в её красивое лицо, он не испытывал более ничего, кроме раздражения. Иногда ему хотелось схватить её и затащить в ванную, где, включив краны на полную мощь, долго плескать водой в лицо, смывая макияж. Он даже, кажется, так сделал пару недель назад, когда напился в хлам, а она, уверенная, что сможет и дальше им манипулировать, пришла мириться. Белоснежный пеньюар, распущенные волосы. Сама невинность, мать вашу. А он взъярился не на шутку. Ему было так хреново, что он не удержался и перед этим напился.

Тут она...

И ему жизненно важно, необходимо, приоритетно, стало увидеть её НАСТОЯЩЕЕ лицо. Помнится, она визжала и обзывалась матом, крыла его, на чем свет стоит, употребляла такие словечки, назначение которых он даже и не знал.

Не помогло.

Настоящее лицо не проступило.

Всё та же маска.

Красивая. Искусственная. Натренированная перед зеркалом.

– Милая, сколько часов в день ты репетировала смущенную улыбку?

Этот вопрос он ей тоже задавал.

Появлялись слезы... Наигранные...

И вот сейчас снова.

Зареченский чувствовал, что ему необходимо что-то делать с этой долбанной ситуацией. Иначе он взорвется, и тогда беды не миновать. Нет, любой его косяк будет прикрыт, нужные люди имелись везде.

И всё же... всё же...

Улыбка расцвела на лице жены.

– Так мне можно поехать с тобой?

– Я же сказал, что да.

Они молча спустились вниз, прошли огромный холл, который ещё месяц назад Настя заново обставляла по своему вкусу.

Михаил давал ей добро на любую прихоть. На любое желание. Что угодно для неё... Весь мир к её ногам.

Стоп, Зареченский, угомонись. Не накручивай себя.

Настя шла в метре от него. Иногда в ней просыпалась природная осмотрительность, и она точно знала, когда не следует перегибать палку в отношении его. Вот как сейчас. Только какого она всё равно намеревается поехать с ним?

Их ждал Артем – личный водитель Михаила.

– Доброе утро.

– Доброе.

– Привет, Артем, – Настя сдержанно улыбнулась.

Артем вопрошающе посмотрел на Михаила, последний кивнул, и тот открыл перед Настей заднюю дверь бронированного автомобиля.

Михаил не поинтересовался, куда направляется его жена. Ему всё равно. Приедут в офис, высадит её там.

Они плавно тронулись, не прошло и двух минут, как Настя нажала на кнопку, и звуконепроницаемое стекло отделило их от Артема.

Михаил иронично приподнял брови. Он сидел, расстегнув пиджак и откинувшись на сиденье. Ждал. Он знал, что Настя не просто так с ним напросилась. Бестия что-то задумала.

Интуиция его не подвела.

- Что хочешь сказать, милая? - он начал первым.

- Я не дам тебе развода, Зареченский.

- О, как.

- Да.

- И с чего такие перемены? Вчера ты была согласна.

- Я передумала.

- А как же отступные? Мало стало?

Он говорил с легкой ленцой, не напрягаясь.

У него сегодня запланирована важная встреча, и идти на неё на взводе он не собирался. От холодного расчета во многом зависит, как пройдут переговоры. Уступать первенство сопернику не в его правилах.

Настя тоже перешла в разряд соперников.

Зареченский криво усмехнулся, затаился.

Ему даже стало интересно, что на сей раз придумает его женушка.

– Я люблю тебя и не буду с тобой разводиться, – в тон ему ответила Настя, смело взглянув в глаза.

– Надо же... Любит она меня. Как интересно, – Зареченский говорил без эмоций. Перегорел? Вряд ли. Видимо, ему, наконец-то, удалось взять эмоции под контроль и желание сомкнуть ладони на тонкой шее лживой твари у него больше не возникало. Хотя...

– Люблю, Минька, люблю.

А вот это было её ошибкой.

– Ещё раз назовешь меня Минькой – вышвырну на ходу.

Он не шутил.

Настя открыла рот, чтобы возразить, но, натолкнувшись на полный ненависти взгляд, ошутимо притихла. Даже голову втянула в плечи и чуть подалась назад.

Заметив её движения, Михаил саркастически фыркнул:

– Боишься? Правильно и делаешь.

– Зареченский, перестань меня пугать. Ты ничего не сделаешь матери своего будущего ребенка.

Она демонстративно положила руки на выпирающий живот.

Господи...

Михаил редко поминал Господа всуе. Ни к чему. Вот просто ни к чему. Это вопрос веры и у каждого он свой.

Сейчас же ему хотелось скинуть тонкие кисти с живота, чтобы даже не смела начинать пытаться манипулировать им с помощью ребенка. Сжимать кисти до тех пор, пока не увидит, как настоящая боль промелькнет в глазах.

Если она не поняла, что манипулировать им больше не удастся – тогда всё ещё хуже, чем он думал.

– Конечно, не сделаю, – Михаил даже улыбнулся.

Почему бы и нет?

Многие его оппоненты говорят, что, когда Миха Зареченский начинает улыбаться – быть беде. Лучше сердитый. Так ты знаешь, чего ожидать. А если Зареченский улыбается, значит, ты уже проиграл.

– Перестань. Ми... – Настя замялась, облизнув нетронутые губной помадой пухлые губы. – Миша, давай поговорим.

– Мы говорим. И говорили вчера. Позавчера. Милая, мы каждый день говорим.

Она покачала головой.

– Я не о том. А о нашем браке. О нашей любви. Ты не можешь вот так всё разрушить...

– Настя, заткнись. А хотя – нет. Ты мне лучше скажи, на сегодняшний разговор тебя подбила мадам Мистерия, урожденная Раиса Игитова?

Услышав знакомое имя, Настя вздрогнула, и в ее глазах промелькнула знакомая паника. Но, надо отдать должное жене, она быстро взяла себя в руки. Вот у кого надо поучиться самообладанию и контролю. Её практически нельзя застать врасплох, как он теперь понимает.

– Раиса тут не причем.

– Оооо, неужели. То есть она пристраивает своих девочек и дальше вас уже не ведет? Слушай, сколько ты заплатила ей, чтобы она подстраивала наши якобы случайные встречи? Про тех, кто сливал инфу обо мне, я уже знаю всё. Через день-два буду знать и про твою мадам Мистерию всё, вплоть до того, какую пижаму она выбирает, ложась спать. И поверь... Встреча у нас с ней будет интересной.

– У неё свои покровители, Миша. Не суйся к ней.

По спине Зареченского побежали маленькие колючие разряды. А вот это он уже любил. Когда всё его тело реагировало на «не смей», когда просыпался азарт охотника, покорителя, человека, перед которым возвели преграду. Даже не преграду, а пнули, сказав, что силенок у тебя не хватит совершить задуманное, что есть те, до которых тебе не дотянуться, вершины, что ты не сможешь взять.

Да, люди мадам Мистерии работали хорошо, но и они не были богами своего дела. Даже в некоторой степени дилетантами. Михаил подозревал, что Мистерия собирала на своих клиентов – богатых людей их страны и ближнего зарубежья, основную информацию: предпочтения, где бывает, как часто можно встретить без охраны-шофера и так далее, какие девушки нравятся, машины, чем завтракают и что предпочитают пить.

То, что можно узнать из журналов и газет. Ничего особенного.

Талант этой мадам заключался в умении идеально организовывать «случайности».

И неслучайности тоже.

Михаил достоверно знал, как Настя попала и к мадам, а потом и к нему.

Раз в несколько месяцев Мистерия, что Раиса, устраивала туры по их необъятной стране. Колесила из города в город, выискивая своим цепким, оценивающим взглядом нужных ей девочек. Она безошибочно определяла – пойдёт ли красавица на её условия, «продажна» ли та. Насколько заинтересована в деньгах. Нет, не в деньгах, в них мы заинтересованы все – в очень больших деньгах. Ведь Мистерия-Раиса будет готовить идеальную невесту для олигарха

или просто очень богатого человека. Она никогда не походила на показы моделей, её привлекали неизвестные «изюминки», те, из которых можно будет потом лепить, что ей надобно и которые её будут кормить долгие годы. Сначала она вложится в них, потом от девочек – благодарность. А как же не быть благодарной той, кто тебя выдала замуж за «богатого папика» да ещё и припрятала компромат. Так, на всякий случай. Мистерия-Раиска была умна. Она не просила много денег. Зачем? Отток крупных сумм нельзя не заметить, а вот понемногу... потихонечку... сотенка за сотенкой...

Про сотню Михаил, конечно, преувеличивал. Его Анастасия платила ей по пять тысяч ежемесячно. Вроде бы немного. Он бы и не заметил, как не замечали и с десяток других мужей-простофиль. Заметил его «хакер». Работал на него один дотошный паренёк, который нет-нет да проверял все финансовые операции его компании, ну и тех, кто рядом. Михаил не просил его трогать операции жены. Жена – это уже личное. Но загвоздка заключалась в том, что паренек реально был дотошным. И счел своим долгом «присмотреть» за молодой женой человека, спасшему ему когда-то жизнь.

– Миха, я чё... я, канеш, ничё... – от его жаргонной дворовой речи резало уши. – Но тут такая хрень... Из кошелька твоей ляли на один счет капает баблишко... регулярно...

Регулярно – насторожило.

Захотелось посмотреть.

У его же Насти не было от него никаких секретов – так она говорила.

– Ты знаешь обо мне всё-всё-всё, – любила она повторять, прижимаясь к нему.

Теперь он мог бы добавить:

– Ты про меня тоже.

А тогда он поражался, как идеально у них совпадают вкусы.

Да, мадам Мистерия ещё выбирала девочек по актерскому мастерству. Те, которые не умели играть – отпадали сразу.

Счета Зареченский посмотрел, а потом вызвал к себе Игната, начальника службы безопасности.

– Проверь.

Игнат проверил.

И понеслось-поехало...

Были оправдания. Были слезы. Был даже момент «отрицания».

Настя смотрела на него обиженными глазами, в которых застыли слезы, вот как сейчас, прижимала руки к животу и обвиняла его в недоверии, говорила, чтобы он не смел её подозревать.

Что её любовь к нему чистая, первая и искренняя.

«Добила» Михаила информация, что Анастасия делала гименоластику.

– На хера??? – орал Зареченский, уже не сдерживаясь. Его колотило от бешенства. – На хера, я тебя спрашиваю! Чего ты молчишь? Какого черта ты себе целку наращивала? Чтобы непорочной девой выглядеть в моих глазах?! Мляя... Неужели думала, что я настолько лох, что ничего не узнаю? Не почувствую?! – он не сдерживался в эмоциях, употребляя грязные слова. – Ну да, конечно, мне же чертовски повезло – девственница да так ловко имитирующая оргазм!

– Я не имитировала!

– Заткнись, Настёна, лучше сейчас заткнись...

Они бушевали две недели. Он орал на неё, она плакала. Приводил доказательства, она больше не пыталась отрицать. Перешла на другую линию поведения – теперь Настя пыталась ему внушить мысль, что её чувства к нему абсолютно искренни, и что любит она его, как человека, а не потому что он

входит в список российского Форбса – 200 богатейших бизнесменов России.

Он верил... Какое-то время. Ведь они познакомились у обычного супермаркета, когда Михаил гонял бездумно по городу и заехал в торговый центр, потому что у него в машине не оказалось второй бутылки с минералкой без газа. Всё случайно. Ну-да, ну-да. И лишь потом Игнат достал съемку слежения за ним в тот день.

– Меня пасли, а я даже не заметил.

– Я давно тебе говорю – нужна постоянная личка.

– Игнат, отвали. Не до этого сейчас.

Он не боялся, чтобы ходить с личкой. Миновали времена, когда бизнесменов отстреливали на улице. Но охрану имел, держал у себя толковых парней, лучших.

– Значит, говоришь, не соваться к мадам Мистерии... как интересно, милая.

Настя поморщилась, и снова в её взгляде появилась мольба.

– Миша, я тебя прошу... давай уедем куда-нибудь. На пару дней, на неделю. Просто побудем друг с другом. И я тебе докажу, что люблю тебя по-настоящему. Да, наше знакомство было подстроено. Мне помогли. Но пойми ты – я, как только увидела твою фотографию, сразу поняла, что ты – мой!

Зареченский хмыкнул и скрестил руки на груди, не заботясь, что помнет рубашку.

– Знаешь, что меня всегда поражает? Когда я слышу слова о любви, звучащие из уст молоденькой актрисульки или певички и предназначенные, допустим, заслуженному артисту или продюсеру старше её лет на сорок. Ах, я полюбила его с первого взгляда... Ах, моя любовь чиста... Да, что же, вы, мать вашу, не влюбляетесь и не тащитесь от фото слесарей или водил? Вам подавай знаменитостей да олигархов.

– Я не такая...

– Конечно, конечно!

Зареченский ослабил галстук. Еще немного в том же духе, и он задохнется в машине. Дорогой парфюм жены резал глаза, проникал в легкие и разъедал их. Взять с собой Настю оказалось ошибкой. Как так получилось, что всего за две недели та, которую он едва ли не боготворил, начала вызывать у него аллергию?

– Поехали, Мишенька, я тебя прошу, – голос Настя понизила и потянулась к нему, видимо, желая положить ладонь на грудь, поскрести коготками с идеальным французским маникюром, как она делала часто, когда хотела получить от него согласие. Он позволил ей думать, что она ловко обходит его оборону.

– Я бы посоветовал тебе оставаться на месте, – холодно бросил Зареченский.

Подействовало.

Всё-таки природная осторожность взяла своё.

– Я всё равно не дам тебе развода, слышишь, Зареченский? Не дам.

– Ты повторяешься, милая. Мои адвокаты займутся нашим бракоразводным процессом.

Глаза Настёны зло блеснули, аккуратные ноздри затрепетали.

– Ребенка ты не получишь.

Вот она и ступила на тонкий лед.

Она могла говорить, что угодно. Клясться в вечной любви, называть его эгоистичным ублюдком, пытаться вывести на эмоции. Она могла делать, что угодно. Кроме одного – не сметь касаться темы не рожденного ребенка.

Его. Ребенка.

– Вот как, – растягивая слова, произнес он, пытаюсь сдерживать в узде рвущихся наружу демонов. – Значит, решила меня шантажировать ребенком. Мы об этом поговорим вечером. Дома. А сейчас...

Он закрыл глаза.

Иначе никак.

Убьет, суку, голыми руками.

– Миша...

Тишина.

– Миша!

Снова безрезультатно.

– Да что же ты за человек, Зареченский? Неужели ты не видишь, что я в отчаянии? Что я готова пойти на всё, лишь бы ты со мной общался, чтобы мы поговорили и, наконец, пришли к согласию и примирению. Неужели ты готов перечеркнуть год нашей жизни из-за нелепости? – тут она скривилась.

– Ложь – не нелепость, – он даже не открыл глаза.

Она, вдохновленная его репликой, быстро продолжила:

– Нелепость, Мишенька, ещё какая нелепость. Да, наша жизнь началась с небольшого обмана, но... Скажи, если бы не Раиса, разве мы с тобой познакомились бы? Где? Я простая девочка из Калуги, ты крутой мен, где бы мы с тобой пересеклись? Да нигде! Поэтому судьбу надо немного подталкивать! Разве мы не были счастливы этот год?! Были, черт побери! Ещё как были! И можем быть счастливы и дальше! А ты уперся, как баран, и не желаешь признавать очевидного. Твердишь, что одна ложь рождает другую! Может, и так, а, может, и нет! Почему ты мне не хочешь поверить? Я люблю тебя! Люблю! Я жить без тебя не могу! И ребенок... Неужели ты не можешь перешагнуть через свою долбанную гордость и самолюбие ради него?

Зареченский резко распахнул глаза, подался вперед, чем заметно напугал Настю, та отпрянула.

– Слушай сюда в последний раз. Не смей шантажировать меня ребенком. Поняла?

Сейчас перед ней был другой Зареченский.

Тот, с которым лучше не иметь дело.

Настя всхлипнула и, шаря по панели, нашла кнопку, опускающую стекло.

– Артем, останови меня у первого же метро.

Михаил встретился взглядом с Артемом и кивнул.

– Остановишь. Пусть прогуляется. Давно ездила на метро? Да и ездила ли вообще. Мадам Мистерия, привезя тебя в Москву, кажется, сразу посадила на машину, чтобы ты соответствовала статусу?

Настя отвернулась, не пряча слезы.

Теперь она их демонстрировала постоянно. Мол, любуйся, муженек, доводишь беременную жену до истерики.

Что-то похожее на сожаление кольнуло в груди. Несмотря на все их разногласия, не стоит и ему забывать, что она беременна. И тут же Михаил оборвал себя. Так же не стоит забывать, что Анастасия великолепная актриса и выдавить из себя слезы для неё плевое дело.

Михаил снова вернулся на место. Лучше на неё не смотреть. И не думать. Пусть катится хоть к метро, хоть к самому черту. Единственное, что его сейчас реально волновало – её угроза не отдать ему ребенка. Если она пошла на попятную по поводу развода, значит, будет война.

Накануне они договорились, что он ей платит пять миллионов евро, она рождает ребенка и отдает его ему. Сама уезжает. Все счастливы и довольны. Она смело может начать новую жизнь. С её внешностью и его деньгами она без проблем встретит нового мужчину, что будет готов с неё сдувать пылинки и обеспечивать ей полный комфорт.

За ребенка Зареченский будет биться.

Не отдаст.

Ладно, сейчас не время и не место. Сначала сегодняшний день, переговоры, а к вечеру ближе он встретится с Архипом Лазаревым. Архип считался лучшим адвокатом по бракоразводным процессам. И у Михаила был козырь в рукаве, о котором Настя, кажется, забыла. Брачный контракт. Любовь любовью, но брачный контракт год назад был подписан.

Михаил даже помнил, как Настя подмахнула его, не читая. Видимо, летала в небесах от счастья, что ей всё же удалось захомутать Зареченского. Он устало вздохнул.

День только начинается, а нервы уже расшатаны.

Машина плавно притормозила.

– Михаил Николаевич, метро.

– Твой выход, милая.

Настя порывисто схватила с сиденья клатч и прошипела сквозь сжатые губы:

– Ты ещё пожалеешь, Зареченский, – после чего ослепительно улыбнулась: – Увидимся вечером дома, милый.

– Удачного дня, милая.

Она грациозно вылезла из автомобиля, с грохотом захлопнув тяжелую бронированную дверь. Михаил заметил, как Артем поморщился. Парень трепетно

относился к технике.

- Поехали, Тема.

Михаил даже не посмотрел на гордо удаляющуюся жену, изящно передвигающуюся на высоких каблуках и явно выделяющуюся из толпы обывателей, что спешили по своим делам в подземку, кто на работу, кто на учебу.

Глава 2

Чертов ублюдок... Гореть ему в аду... Да чтобы он...

Настя прикусила губу едва ли не до крови и распрямила спину.

Кого она обманывает? Перед кем разыгрывает театр?

Боль полоснула по сердцу с новой, раздирающей всё нутро силой. И как с ней справиться?

Ничего... Она сильная, она что-нибудь придумает.

Главное - отойти. Успокоиться.

Зареченский перебесится, и у них снова всё будет хорошо.

Наверное...

Сомнения пришли вместе с болью.

Справится ли она?

Справится. У неё нет другого выхода.

Настя шла по разбитому асфальту, вскинув подбородок кверху. Если Зареченский смотрит вслед, то он должен видеть, что их разговор не тронул её, что она тверда в своем решении и будет стоять на нём до конца. Она не сдастся.

Ни за что.

На кону слишком многое поставлено.

И Раиса не отвечает на звонки...

Настю толкнул в плечо мужчина, и вместо извинений, она услышала грубое:

– Куда прешь?

От подобной наглости девушка опешила. Мало того, что он её сам толкнул, так ещё и её интересное положение на него не произвело впечатления! И вместо того, чтобы извиниться, он нахамил.

Настя ничего не успела ответить – он быстрым размашистым шагом двинулся ко входу в метро.

Да, прав Миша, она никогда не ездила на метро. И сейчас. Спрашивается, на кой сюда идет? Но вернуться и пойти к стоянке такси означало сдать позицию. Ну уж нет. Разберется.

Все ездят, и она справится.

Загвоздка заключалась в том, что Настя сорвалась из дома без определенной цели. Ей необходимо было поговорить с Мишей, предпринять ещё одну попытку. Она рассчитывала, что, когда они окажутся вдвоем в машине, он смягчится. Он всегда смягчался. Плюс они часто шалили, отгородившись от водителя. Настя ласкала его и ртом и руками, да и он не отставал от неё.

И что теперь...

Конец?

Ну уж нет.

Не для того она пожертвовала всем, чтобы, не получив всего сполна, отойти на задний план. Да и как она будет жить без Миши? Дело даже не в деньгах, хотя и в них тоже. Пять миллионов евро – хорошая сумма. Для тех, кто не знает, сколько у Зареченского на счету.

Настя мотнула головой, точно прогоняя наваждение. Кого она обманывает... кого...

Деньги деньгами, с ними она с легкостью может устроиться и дальше. Да и бывшая жена Зареченского не останется долго без присмотра и нового покровителя, это Настя понимала. Проблема заключалась в другом – она не хотела уходить от Миши! И как бы он там что не говорил – она его любит. Он добрый – с ней! – заботливый, внимательный, не жадный, в постели отличный любовник. Счастлив, что у него будет наследник. Вроде бы не изменяет. Что ещё надо девушке для счастья?

Переписать прошлое и только.

Настя приглушенно выругалась.

С прошлым как раз и возникли проблемы. Как Зареченский откопал, что она работала с мадам Мистерией? Та клялась и божилась, что у неё всё чисто, что комар носа не подточит, что всё идеально. Настя ей верила, потому что Раиса ходила по краю, играя с очень влиятельными людьми. Настя у неё была не первая и далеко не последняя. Именно мадам учила её всему. Откопала её, привезла, обула-одела, всё рассказала-показала. Даже девственность заставила восстановить, потому что сейчас девственницы в тренде у богатых мужчин!

Настя повелась на обещания красивой жизни. Да и какая девушка не поведется, когда тебе обещают золотые горы да ещё с довольно интересным мужчиной? Настя иногда себя спрашивала – а если бы на месте Михаила Зареченского был мужчина лет пятидесяти пяти с приличным животиком и лысиной, как бы она себя повела? Настя старалась быть максимально честной с собой и её ответ звучал – так же.

Она хотела обеспеченной жизни, но не знала, как получить её. Вкалывать от рассвета до заката? Нет у неё мозгов, знаний, умений, необходимых навыков, чтобы сколотить состояние. Сколько бы она зарабатывала, закончив институт и устроившись менеджером? Тридцать-сорок тысяч, если повезет. Сейчас она могла смело потратить данную сумму за день, и не заметить. Полтора года назад она о таком не смела и мечтать. Где-то там, в эфемерном будущем, на далеком горизонте, перед её глазами маячили крутые машины, сказочные загородные особняки, фешенебельные курорты. В жизни были знакомства с бизнесменами средней руки, что, максимум, раскошеливались на золотые украшения с фианитом.

Знакомство с Мишей изменило всё.

Она сама не заметила, как влюбилась, хотя Раиса её предупреждала: «Не смей поддаваться чувствам. Полюбишь – профукаешь всё! Ты должна всегда сохранять холодный расчет! Только он поможет тебе удержать мужика! Никаких чувств! Максимум симпатия! Тебе что надо, деточка? Чтобы не ты любила, а тебя! Запомни: в отношениях один любит, второй позволяет любить! Выбор за тобой».

Но как его не любить...

Как?

В метро было душно и жарко. Настя с непривычки поморщилась. Н-да, дорогая, к хорошему быстро привыкаешь. Забыла, как ездила на автобусах по Калуге и о машине только мечтала? А сейчас нос воротить от запаха пота.

Чтобы попасть на метро, надо купить проездной. Или билет. Или как он там называется.

Легкая тошнота подобралась к горлу, но Настя, упрямо сжав губы, направилась к кассе. Пусть ей станет плохо! Пусть! Наверняка псы Зареченского где-то поблизости. Не может он её отпустить одну... Только не свою лялечку. Он же оберегал её от всего. А тут... метро.

С трудом подавив в себе желание передернуть плечами и, отбросив прочь мысли о муже, который грозился вот-вот стать бывшим, Настя подошла к кассе и встала

в очередь. Перед ней стояли трое – двое мужчин и девушка в футболке с капюшоном и открытыми руками. Настя позабавилась – интересно, где она такую разыскала?

Когда подошла её очередь, Настя открыла клатч и достала карточку.

– Извините, девушка, аппарат не работает. Только наличкой, – равнодушно бросила кассирша, заспанная женщина с лицом, не тронутым косметикой. И как так можно ходить на работу? Да и просто в люди.

Настя нахмурилась.

– У меня нет наличных. Евро же вы не принимаете?

– Естественно. Слушайте, давайте или дальше проходите или вон – в следующее окно, там, может, карту считают, нечего задерживать очередь.

Вот тут Настя встала в «позу». Она ненавидела, когда ей указывают.

– Женщина, а вы мне не грубите. Это проблема метрополитена, что у вас не работает терминал.

– Слушай-ка ты...

А вот и пошёл знакомый диалог, на который можно натолкнуться где угодно и когда угодно.

– Вот возьмите, пожалуйста. Не стоит...

Стоящая рядом девушка в смешной футболке не отошла далеко, и теперь ей протягивала сто рублей, кивая на кассу и одновременно строя мину, как бы тем самым говоря, что не стоит спорить.

Настя усмехнулась и взяла купюру.

– Спасибо. Далеко не отходи... Я сейчас.

Девушка явно никуда не спешила, потому что, сделав пару шагов в сторону, чтобы не мешаться, терпеливо принялась ожидать Настю, лишь изредка бросая на неё любопытные взгляды.

Купив билет и, разумно рассудив, что не стоит ругаться с кассиршей и окончательно портить себе настроение, Настя подошла к девушке.

- Скажи мне свой номер телефона, я переведу деньги.

- Да вы что... не надо...

- Давай-давай.

Девушка, явно смущаясь, продиктовала номер, и Настя выполнила нехитрую комбинацию.

- Ещё раз спасибо тебе.

- Не за что.

Девушка улыбнулась, немного угловато пожав плечами. Настя кивнула и пошла в сторону турникета.

Чувствовала она себя не в своей тарелке. Даже несколько раз оглянулась по сторонам. Неужели Зареченский на самом деле за ней никого не прислал приглядеть? Но Настя не увидела ни одного знакомого лица.

Вот же ж...

Ей было всё равно куда ехать. Выйдет на любой станции, отзвонится водителю, и тот приедет за ней. Надо было изначально так и делать, а не затевать глупую игру в «прокачусь-ка я на метро».

Большое скопление народа всё больше раздражало Настю. И как только поезд остановился, и перед ней открылись двери, она, стараясь не задеть каблуком ступени, вошла в вагон.

И снова омерзительный запах пота, дешевого парфюма и алкоголя. Из-за беременности окружающие запахи воспринимались ею резче, острее, к горлу снова подкатила тошнота.

Прогулялась, называется.

Ей повезло, и вагон оказался полупустым. Настя, увидев свободное место, прошла и села. Она мысленно усмехнулась – интересно, а если бы все места были заняты, уступил бы кто-нибудь место беременной девушке? Настя сомневалась.

– О, здравствуйте ещё раз.

Услышав знакомый голос, Настя повернула голову влево и увидела, что рядом с ней опускается девушка в смешной футболке.

– Привет.

– Нам по пути.

Настя пожала плечами.

– Скорее всего.

Сейчас она более внимательно присмотрелась к девушке. Скорее всего, её ровесница, может, на пару лет помладше. Миловидное лицо сердечком, чуть раскосые карие глаза, неаккуратно выщипанные толстоватые и совершенно не идущие ей брови. Ни грамма косметики. Да что же за девушки-женщины сейчас пошли такие? Совершенно за собой не следят. А потом говорят, что их личная жизнь не удалась.

Хотя в такой футболке...

Опытный взгляд Насти прошелся по фигуре девушке. Стройная, уже плюс. Высокая грудь, длинные ноги обтянуты джинсами, протертыми в некоторых местах. На ногах – кеды. Кеды! Настя не помнила, когда последний раз обувала кеды, да и обувала ли вообще.

Единственное, что однозначно понравилось Насте в незнакомке – её запах. Миндаль с клубникой. Интересное сочетание.

– У вас что-то случилось? – а вот этот вопрос Анастасии совершенно не пришёлся по душе. Одно дело – обменяться несколькими дежурными фразами, и другое – когда люди становятся навязчивыми.

Но отчего-то она лениво ответила, не осадив незнакомку:

– Нет. Всё хорошо.

И не заметила, как опустила руку на живот.

– Вы извините меня... Я, наверное, лезу не в своё дело. Просто понимаете... Вы такая красивая, на вас дорогая одежда, и вы в метро... Плюс у вас нет рублей даже. Может, я преувеличиваю, но у вас в глазах такое выражение, точно вы... как бы это правильно сказать... потерялись. Извините ещё раз. Пожалуйста.

Настя, чуть прищурившись, улыбнулась одними уголками губ.

– А ты наблюдательная.

– Да нет... Не особо... Просто вы... – девушка смущенно улыбнулась в ответ, снова угловато пожав плечами. – Меня Настей зовут.

– Надо же... Правда? И меня Анастасией.

– Вот так совпадение.

– Согласна.

Настя не понимала и не узнавала себя.

Зачем она вообще разговаривает с этой девушкой? Да ещё и представилась. И совпадение в их именах. Странно как-то.

Очень даже.

Словно рок какой-то... судьба...

Какие только глупости не придут в голову беременной девушке, находящейся в раздвоенных отношениях с мужем. Да и гормональный фон опять же повышен. Необходимо переговорить с гинекологом, пусть выпишет какие-нибудь витамины, чтобы она поменьше реагировала на разные глупости и перестала воспринимать всё слишком остро.

Если и дальше Миша будет отказываться идти на компромисс, им предстоит полноценная война. И Настя не собиралась проигрывать. Ей нельзя. Никак.

Она не собиралась через несколько месяцев начинать всё заново. Охоту, соблазнение, привыкание.

Нет, нет и ещё раз нет!

– А вы далеко едете? – голос новой знакомой снова прервал вялотекущие мысли. – Будет забавно, если мы и...

Девушка не договорила.

Дальнейшее произошло за считанные секунды, превратив жизни сотни людей в кошмар наяву.

Оглушительный взрыв. Срезет металла. Огненная волна.

Боль, мгновенно охватившая всё тело.

Крики – женские, мужские, детские.

И как апофеоз всего происходящего – жестокое, кровавым росчерком прошедшее по людским судьбам, слово «теракт»...

Глава 3

Кровь. Боль.

Паника. Давка.

Стоны и крики о помощи.

Мат и шепот умирающих...

Гарь. Запах горящих тел.

Кровь...

Кареты «скорой помощи». Полицейские и отряды специального назначения с обученными собаками.

«Боблимы», ломящие цены втридорога и волонтеры, съезжающиеся со всего района.

Репортеры, жаждущие первыми заснять горячее видео с места трагедии и родственники тех, кому успели сообщить.

– Давайте его сюда!.. Тут носилки!

– Ребенок! Я слышу голос ребенка!!!..

– Он горит! Помогите!

– Она застряла по железками!

– Беременная! Без сознания!

И снова крики. Повторяющиеся бесконечное количество раз.

Боль. И кровь.

И трагедия, объединившая многие судьбы одним испытанием.

В больнице было жарко. Не в плане духоты, а в плане поступления раненых.

- Он уже не дышит! Куда вы его привезли?

- А если...

- Не если! В морг!

- Но...

- У нас не хватает людей и палат, вы это понимаете?!

Никто ничего не желал понимать и видеть...

* * *

Василия Игнатьева выдернули сразу же после очередного осмотра. Он устал и был чертовски зол. Ещё пару часов назад закончилась его смена, и он мечтал попасть домой, но всё изменилось в одночасье.

Люди поступали бесконечной вереницей, и их отделение сейчас напоминало военный госпиталь.

- Какого?..

Если бы его не позвал Семен Торov, хирург, и по совместительству друг, он выругался бы более «цветасто».

- У нас ЧП.

- У нас, если ты не заметил, одно большое ЧП. Сема, говори яснее, у меня там пациент с открытым переломом и ожогами...

- А у меня Анастасия Зареченская.

- И что?

Игнатъев устало провел рукой по лбу.

- А то! Тебе фамилия ничего не говорит?

- Знакомая?

- Мля, Игнатъев, не моя знакомая!!! А фамилия тебе ничего не говорит?!

Торов заметно нервничал, что было ему не свойственно.

Оглядевшись по сторонам, он схватил друга за локоть и рванул в сторону ординаторской, оказавшейся запертой. Выхватив ключи из кармана, недрогнувшей рукой открыл дверь и втащил туда Игнатъева.

- Что за цирк устраиваешь, Сема?

- Не цирк. Мля, Игнатъев, у тебя в отделение от потери крови вот-вот умрет жена нашего олигарха Михаила Зареченского, а ты не в курсе! Ты вообще что ли новости и телек не смотришь?

- Мне некогда... - начал по привычке говорить Василий, и тут же осекся.

- Зареченский... Зареченский... Черт побери, ТОТ САМЫЙ Зареченский!

- Нет! Ты много знаешь олигархов с подобными фамилиями...

- Черт!

Игнатъев устало провел рукой по лицу.

- Что с его женой?

- Хреново с его женой... Она ещё и беременная. Теряет много крови. Нужно переливание.

- Доноры есть?

Медленное покачивание головы.

- Четвертая отрицательная. Сам знаешь, сколько людей с такой группой...

Игнатъев грязно выругался.

- Ноль четыре процента.

- Вот-вот.

- Зареченский нас порвет за жену и ребенка.

- Что с ребенком?

- Пока всё стабильно, но...

- Торгов молчи. Зареченский здесь?

- Пока нет. Но, думаю, уже в курсе, и скоро начнется... Плюс пробки. Её даже перевезти не удастся.

Мужчины переглянулись.

- Ты пришел ко мне не просто так, - жестко бросил Игнатъев. - Говори.

- Там ещё девочка поступила... Ровесница Зареченской. Изуродовано лицо, ожоги, осколочные ранения. Она, видимо, прикрыла собой беременную Зареченскую. Вся спина разорвана. Фактически живой мертвец. Я проверил

документы. Анастасия Дёмина, приехала поступать в универ. Есть выписка из детского дома, сирота.

Холодок побежал по спине даже видавшего виды Игнатьева.

- И?..

- У неё тоже четвертая отрицательная.

Мужчины снова переглянулись.

Игнатьев, сжав кулак, подпер им подбородок, а потом с силой вдарил кулаком о стену. Ещё и ещё...

- Торгов, ну почему жизнь такое дерьмо, а?

- Тебе нельзя так говорить. Ты - врач, ты спасаешь жизни.

- Да?! Спасаю?! А почему нам сейчас приходится выбирать?! А?!

- Потому что жизнь - дерьмо.

- Сема...

- Что, Сема? Там две жизни, тут одна...

- И то, что Зареченская при деньгах, конечно, ничего не значит!

- Значит, мать твою! Ты хочешь получить оборудование для УЗИ-кабинета? А для исследовательского центра? Ты хочешь ремонта в лаборатории? Мне продолжать?

- Не надо...

В голосе Игнатьева послышалась горечь.

– Семен, ты знаешь, что делать. Готовь бригаду и операционную.

Глава 4

По дороге в офис Михаил принял решение – сегодня же разъехаться с Настей. Чем меньше они будут пересекаться, тем быстрее остынут.

Он даже не собирался возвращаться в коттедж в поселке. Пусть пока она там поживет. Он обоснуется в городской квартире, да и до офиса добираться легче.

Если Настя и дальше будет гнуть свою линию «люблю, развода не дам, шантаж ребенком» придется действовать жестче.

Не хотелось бы.

Чтобы провести встречу в нормальном режиме, Михаил запретил себе думать о жене. Хватит. На сегодня так точно. Если только вечером. И то, когда напьется в одиночестве, чтобы забыться и провалиться в пьяный сон.

Или свалить в клуб? В «Берлогу». А что, мысль. Давно Зареченский не участвовал в боях без правил. Кости разомнет. Ага, а на следующий понедельник на переговоры с японцами заявится с разбитой физиономией, вот забавно-то будет.

Мысль про «Берлогу» пришла Михаилу по душе, но участие в боях пришлось откинуть. Когда-нибудь попозже. Это в молодые годы можно было запросто себе позволить то, что душе заблагорассудится. Сейчас приходилось взвешивать каждый шаг и думать о последствиях.

Жизнь учит на своих ошибках и порой бьет очень больно.

В офисе кипела работа. Подчиненные знали – опаздывать нельзя, поэтому к приезду Зареченского все были на рабочих местах.

Елизавета, его личный помощник, тотчас сорвалась с места и сразу же прошла за ним в кабинет.

– Михаил Николаевич, звонил Дуров. Они уже едут.

– Хорошо. Будем общаться в малой переговорной.

Лиза кивнула.

– Кофе? Чай?

– Давай кофе.

Михаил относился к тем немногочисленным людям, которые не делали предпочтения между кофе и чаем. Иногда мог неделю пить только чай, потом резко переключиться на кофе. Елизавета знала его особенность, поэтому каждое утро спрашивала.

А вот Настя так и не удосужилась обратить внимание на особенность мужа.

Черт!

Снова она!

Зареченский дернул галстук, сдирая его, потом снова выругался и пригласил Лизу.

– Завяжи, пожалуйста.

Елизавета была идеальным работником. Красивая, эффектная шатенка, мама двух деток, никогда не бравшая больничный и уходящая с работы после него.

Он как-то раз спросил её:

– А муж... Не ворчит?

Всегда сдержанная, собранная Лиза внезапно покраснела, и в её серьезных глазах появилась теплота:

– У нас немного странная семья.

Она никогда не распространялась про свою жизнь вне офиса. Самое необходимое Михаил про неё знал, личное его не интересовало.

– Почему?

– У нас муж занимается детьми. Он не домохозяин. Просто... так вышло. Дети больше к нему льнут, да и он с ними с рождения больше... возится. А я холодная в плане эмоций... что ли, – он никогда ранее не замечал за ней косноязычности. – Саша – фрилансер. Программист. А я больше люблю с людьми напрямую работать.

Михаил кивнул, поняв её без лишних объяснений. Прибавил зарплату, и в отдел программирования дал задание периодически скидывать работу мужу Елизаветы. Он ценил хороших работников. Лиза была именно такой.

Дуров со своими ребятами приехали за две минуты до назначенного времени.

– Нас не беспокоить.

– Поняла.

Переговоры о новом проекте проходили хоть и с трудом, но достаточно плодотворно. Михаил, полностью включившись в рабочий процесс, не замечал мигание айфона, поставленного на беззвучный режим, и поэтому, когда Лиза, коротко постучавшись и не дожидаясь ответа, скользнула в приоткрытую дверь, направляясь к нему, он недовольно нахмурился.

– Что?

– Михаил Николаевич, до вас Игнат Валерьевич дозвониться не может.

Зареченский нахмурился.

С Игнатом они работали давно, и если Игнат связывается с ним через Елизавету, значит, что-то серьезное.

– Хорошо, спасибо. Господа, извините, вынужден отлучиться на минутку, важный звонок.

Дуров и его команда сделали якобы понимающие лица. Никому не нравится, когда прерывают процесс переговоров.

Михаил, хмурясь и всё сильнее раздражаясь, взял айфон со стола и не без удивления отметил четыре пропущенных от Игната.

Это уже напрягло не на шутку.

Ещё раз извинившись, Зареченский направился в смежную комнату, что одновременно служила ещё и комнатой отдыха. Большой белый кожаный диван, на котором он частенько имел любовниц, захаживающих к нему со словами «милый, я мимо проезжала...». Да и ночевал он на нем не раз, когда сил не то что ехать в поселок, в квартиру не было. Большая плазма, встроенный бар. Минимум мебели, максимум комфорта.

Михаил нажал на вызов Игната.

Тот ответил сразу.

– Миша, я ещё до конца не разузнал, что да как. Но...Ты вообще в курсе, что в метро произошел теракт?

Холодок коснулся спины мужчины.

– Нет.

– Я выясню, на какую ветку села Настя.

На пару секунд Зареченский выпал из жизни. Перед глазами даже замелькали мушки.

Теракт.

Как часто мы последнее время слышим о таком по новостям?

Оно едва ли не стало привычным, крепко войдя в обиход.

Мы слышим его и думаем: «Да, страшно. Да, жутко. Да, не повезло тем ребятам...» И у нас НИКОГДА не возникает мысли, что подобное зверство, подобная неоправданная жестокость может случиться с тобой или с кем-то из близких. Потому что... ну, не может и всё тут. Нас всех ждет счастливое будущее, тихое, без войн, без потерь.

Как показывает сама жизнь, никто не застрахован.

- Чтооооо? – рычащий возглас вырвался непроизвольно.

- Твоя Настя вошла в метро.

- Я в курсе!

- Теракт, Миха! Ты меня слышишь?

- Да!

- И Настя твоя в метро была в это время!

- Знаю...

Адреналин в крови подскочил, в висках застучало.

- Её телефон вне зоны. Но парни уже в метро. Прочесывают.

Зареченский ничего не успел ответить, так как снова раздался тревожный рваный стук, и снова появилась уже обеспокоенная не на шутку Лиза.

– Михаил Николаевич, звонят из больницы...

Она сделала паузу, за время которой он с трудом поборол в себе желание подойти и хорошенько её встряхнуть.

– Говори, черт побери!

– Анастасия Сергеевна в больнице. Вы лучше сами бы поговорили...

– Игнат, ты слышал?

– Да. Всё понял.

Нажав на отбой, Михаил провел рукой по отросшим волосам, которые привык носить по длине воротника сорочки. Рука мелко подрагивала. Новость не просто шокировала – оглушала.

Что с ребенком?!

Что с Настей...

Разговор с больницей получился ещё более коротким, но продуктивным.

Теперь он знал, где находится его жена. Можно было выдохнуть, но воздух застрял в легких, потом в горле. Михаил взял протянутый Лизой стакан с водой и, осушив его до дна, благодарно кивнул.

– С Дуровым... давай... сама...

– Конечно, Михаил Николаевич.

Пошатываясь и не чувствуя под собой ног, Зареченский устремился к лифту, не замечая сочувствующего взгляда Лизы, который ему, ох, как не понравился бы.

Чего-чего, а жалости Зареченский не любил.

Девушка встряхнула головой, выдохнула, собралась и пошла дальше выполнять свои обязанности.

* * *

Даже ему оказалось сложно пробраться через оцепленный кордон. По пути к месту происшествия они умудрились пересечься с Игнатом и его ребятами.

– Какого черта нас не пропускают? – рычал Зареченский, уже готовый прокладывать дорогу кулаками.

– Миха, угомонись, сейчас документы проверят и пропустят.

Игнат стоял рядом, сжав плотно губы. Как всегда, сдержан и сосредоточен.

– Поздно документы проверять! Террористы давно ушли!

У Михаила всё внутри кипело. В такие минуты понимаешь, насколько ты беспомощен. У тебя, казалось, есть всё – деньги, власть, даже собственный самолет есть! А ты стоишь в толпе, и тебе никак не пробраться к точке назначения.

– Сейчас.

Игнат кивнул и направился к здоровенному бугаю в черном рипстоповском костюме со шлемом, полностью закрывавшим лицо. Они обменялись короткими фразами, после чего началось движение – Игнат кивнул Михаилу, что путь свободен, и они могут трогаться.

– Знакомый?

– Есть такое дело.

Михаил усмехнулся. Интересно, в какой военной структуре и области у его безопасника не было связей и знакомств?

Зареченского продолжало потряхивать, выворачивая всё нутро от неизвестности и тревоги. Разговор с врачом его не успокоил. Он перезвонил ему, как только сел в машину и долго слушал занудные речи о том, что с его женой, и какие манипуляции они сделали.

– Что с ребенком?

– С ребенком всё хорошо.

Наверное, его вопрос прозвучал в тот момент эгоистично. Но иначе Михаил не мог. От мысли, что он может потерять не родившегося малыша, в душе поднималась бессильная ярость, похлеще той, что он испытывал сейчас.

Ребенок для Михаила значил очень многое, если не всё. Это его кровь, его продолжение. Он уже, черт побери, его отчаянно, до одури любил.

И он сделает всё, чтобы малыш жив!

Какие только мысли шальные не приходят в голову от неведения... от осознания, что они там, а ты пока что здесь... И вроде бы мчишься, гонишь и всё равно не успеваешь, всё равно не можешь никак повлиять на ситуацию.

И если встанет выбор...

Михаил даже не сомневался с ответом.

Он выберет малыша.

Какие бы отношения у них сейчас ни были с Настей, смерти он ей не желал... но малыш. Это ЕГО малыш. И он будет жить! Будет!

Зареченский с такой силой сжимал кулаки, что, казалось, пальцы сейчас сломаются. Почему они так медленно ползут? Почему?

– Что говорят врачи?

Игнат пытался его отвлечь от тягостных мыслей.

– Несут всякую херь. Надо забрать Настю и перевезти её в нормальную клинику.

– Сделаем, как только затор ликвидируют.

– Если вертолет?..

– Если Насти или малышу будет угрожать опасность – организуем. Но, сами понимаете, в черте города... Мы его можем даже не посадить перед больницей.

– Врач нёс какую-то херь про потерю крови и про риски. У них нашелся подходящий донор, но опять же, ввиду экстренности они не сделали необходимых анализов. Про какие-то маркеры, антигены, экспресс-тесты. Я в этом ни хрена не понимаю, – Михаил сглотнул и провел рукой по волосам, зачесывая их пятерней назад. – Меня волнует другое. Если сейчас начнутся роды – ребенка спасут? Игнат, спасут?!

Он чувствовал, как на лбу выступила испарина, несмотря на то, что в автомобиле работал климат-контроль.

– Сейчас выхаживают малышей даже рожденных на очень малых сроках. Едва ли не килограммовых.

– Игнат, килограмм! Ты представляешь себе килограммового малыша? Тут доношенных не знаешь, с какого бока взять и как поддержать, а тут...

– Я уже связался с Орешко, она нас будет ждать.

– Спасибо.

В голове вскользь промелькнула мысль, что Орешко – гинеколог Насти. Он был у неё на приеме единожды, сдавал анализы для полной картины, дальше особо не вдавался в подробности, как проходит беременность. Хорошо и ладно. Иногда досадливо сожалел, что малыш на УЗИ лежит спиной, зажимая половые органы, и не показывает родителям, кем будет – мальчиком или девочкой.

Михаил хотел пацана. Какой мужчина не хочет наследника рода? Тому, кому передаст своё дело? Кого всему будет обучать?

Сейчас же он понимал, насколько был не прав. Надо интересоваться каждой мелочью! Каждым результатом! Ловить и запечатлеть в памяти каждый фрагмент, нюанс, потому что... Потому что вот так, в одночасье, всё может оборваться, наступить точка невозврата.

Именно из-за ребенка Михаил женился на Насте. Нет, это не было банальным «залётом». Не настолько он идиот, чтобы позволить малознакомой блондиночке забеременеть от него. Он давно не доверял разговором типа: «Милый, я пью таблетки! Милый, у меня спираль!». А потом окажется, что забыла выпить таблетку, спираль сдвинулась, и да здравствует фраза: «Милый, а у нас будет ребеночек». Зареченский подобное пресекал на корню. Секс только с презервативом, каким бы неудобным и некомфортным он периодически ни казался. Были в его жизни несколько девушек, которым он относительно доверял, и которые точно знали, что беременеть от него нельзя.

Анастасия играла свою роль безупречно. Мистерия выбрала шикарную позицию для неё.

Настя работала воспитателем в частном детском саду. И, конечно, по совершенно случайным стечениям обстоятельств именно в том, который курировала его фирма. И в котором он нет-нет да появлялся.

И тут она. Воспитательница, любимица детей и сама – самая любящая и трепетная работница.

Вторая их встреча состоялась именно в детском саду.

Она возилась с детишками на площадке, а он приехал туда с Игнатом и парой ребят.

Он наблюдал за ней, и в голове промелькнула шальная мысль: «Будет хорошей мамой». И следом – почему бы не его детям?

Зареченский созрел для семьи. Даже больше для детей.

Тогда-то он и решил продолжить с ней общение.

Почему бы и нет? Красивая. Нежная. Добрая. Детей любит.

Не было у него к ней сумасшедшей любви и страсти. Дикого влечения, чтобы голову сносило и терялся в ней. Была крепкая симпатия и нормальная сексуальная потребность в её теле. Он даже ей не изменял. Зачем? Чистая девочка, раскрытая для экспериментов в постели. Зареченский снова мысленно усмехнулся.

Чистая...

Интересно, сколько у неё было мужиков?

Его никогда не интересовал подобный вопрос. Все они взрослые люди и живут так, как желают, меняя партнеров и стремясь к комфортной жизни. Он никого не осуждал. Ему нравилось выражение, что двое понравившихся людей могут делать за дверью спальни, что угодно, главное – по обоюдному согласию. И даже, если их будет трое – выбор каждого.

Поэтому к прежним партнерам своих любовниц и к их количеству был равнодушен.

Но тут же его развели! Обманули. И назревал закономерный вопрос – что скрывала Настя и для чего?

Может, и не скрывала. Просто он ей перестал верить. Разом.

И уже никогда не поверит.

И произошедшее событие, теракт, ничего не менял в этом плане.

Но пусть с ней всё будет хорошо... Значит, и с его ребенком – тоже.

Дорога до больницы казалось бесконечной. Люди... крики... полиция со спецназом... Всё смешалось.

В переполненной больнице было не легче.

Но их уже ждали. Почему-то Зареченского подобный факт не удивил. Если его жену не транспортировали, значит, или она находилась в критическом состоянии, или ждали конкретно его приезда.

Мать вашу... Иногда Зареченского выбешивало подобное отношение. Он с детства привык, что его фамилия производит на людей определенное действие. Порой нравилось, порой – нет. Точка кипения случалась и с ним.

– Михаил Николаевич?

Симпатичная медсестра сразу же кинулась в его сторону.

Вместо того, чтобы ассистировать в операционной или в перевязочной...

Досада полоснула по сердцу. Михаил сжал губы и прищурил глаза.

– Да.

– Пойдемте, пожалуйста, со мной. Я вас провожу к врачу.

– Что с моей женой и ребенком?

– Они живы. По остальным вопросам – к врачу.

Игнат с ребятами остались позади, осматривая территорию.

Давно не крашенные коридоры, с облупленными во многих местах стенами. С лавками, пусть и заново обшитыми, но явно неудобными, сейчас занятыми пострадавшими, которым уже оказана помощь, и их родственниками. А так же следователями и психологами.

Михаилу приходилось бывать в муниципальных больницах, но не в качестве пациента, а в качестве спонсора. И его всегда удивляло – куда, черт возьми, девались деньги? Он искренне считал, что профессия врача достойна уважения

и всякой похвалы, но порой и его воротило от спекулятивности работников медицины.

Его проводили в кабинет заведующего хирургическим отделением.

– Добрый день, Михаил Николаевич. Василий Аркадьевич Игнатов.

– Рад знакомству.

Врач явно не спешил к больным, которым нужна была его помощь.

– Что с моим ребенком и женой? – повторил вопрос Зареченский, начиная раздражаться.

Он не собирался вести долгие разговоры.

Врач это понял.

– Сейчас состояние Анастасии стабильное. У неё сотрясение головного мозга третьей степени, множественные осколочные ранения. Но это не самое страшное...

Далее последовали медицинские термины, к которым Зареченский относился настороженно. Вот какого врачи, общаясь с родными пациентов, всегда употребляют заумную терминологию? Чтобы те почувствовали всю их значимость или, напротив, окончательно запутались?

– ...у неё открылось маточное кровотечение... потеряла много крови... редкая группа... переливание... были некоторые осложнения...

– Что с ребенком?! – оборвал его Михаил, начиная терять терпение.

То, что с Настей всё в порядке – он понял. Живучая. Он рад за неё. Сотрясение мозга и прочая ерунда – пройдет, скоро она снова будет, как новенькая.

Игнатов поморщился от его резкости, но быстро взял себя в руки.

– Анастасия наглоталась дыма. Вам лучше проконсультироваться с вашим лечащим гинекологом. Мы никаких осложнений у ребенка не нашли. Сердцебиение прослушивается. Вы, Михаил Николаевич, должны понимать, что мы сделали всё возможное, уделили вашей жене максимум времени и внимания. Но у нас очень много пострадавших. Мы ближайшая больница, сами понимаете.

Михаил кивнул.

Он всё понимал.

Достав портмоне, не считая, достал деньги и аккуратно положил их на стол.

– Лично вам за хлопоты. Благодарность от меня. Завтра от меня приедет человек, скажите ему, что необходимо вашей больнице. Я могу забрать Настю?

Игнатьев не стал спорить и уходить от благодарности.

Они взрослые люди, ни к чему лишний раз сотрясать воздух.

– Вы будете её перевозить в частную клинику?

– Да.

– Тогда желательно, чтобы от них прибыла карета скорой помощи. Анастасия по-прежнему находится без сознания.

– Я вас поняла. Сейчас всё организуем. Я могу её увидеть?

– Да, конечно. Вас проводит Ниночка.

Ниночкой, видимо, была медсестра, которая по-прежнему его ожидала.

Настя находилась в общей палате, благо, рассчитанной всего на три койки. Но Михаил подозревал, что очень скоро в палаты будут ставить кушетки. Хотя, судя по тому, сколько карет скорой помощи он видел по пути, пострадавших начали развозить по другим клиникам. Сюда – особо тяжелых, кому требовалось

безотлагательное медицинское вмешательство.

Поздоровавшись, Михаил прошёл к койке Насти. Выглядела девушка плохо. Бледная, с гематомами, с многочисленными ссадинами и порезами на лице. Рядом с койкой стоял штатив с капельницей.

Досадливо поморщившись, Михаил перевел взгляд на живот, который сейчас особенно казался дорогим и важным. Аккуратный, выпуклый. Анастасия строго соблюдала рекомендации Орешко в одном – в плане питания. Как только узнала, что беременная, сразу же исключила из рациона всё жирное, мучное, сладкое. Михаилу тогда было невдомёк, что не из-за заботы о малыше она это делала, а потому что не хотела набирать лишний вес. Диетолог каждую неделю расписывала план питания, который она соблюдала безукоризненно, благо, поваров в коттедже имелось несколько.

Лживая... притворная...

Михаил снова поморщился, уже от себя. Даже сейчас ему никак не удавалось пересилить себя. Неужели он такая сволочь, что личные обиды готов тешить снова и снова? Настя пострадала, ей нужна его помощь.

Но на душе, по-прежнему, было мерзко и гадко.

Две другие женщины или дремали, или так же находились в бессознательном состоянии.

Постояв ещё какое-то время, Зареченский вышел из палаты и направился по коридору к приемному покою, где оставил Игнат. Тот уже давал распоряжения по транспортировке Анастасии.

– Карета будет через десять минут.

– Пропускают?

– Да.

– Как Настя?

- Нормально. Пока без сознания.

- Переливание крови прошло без осложнений?

- Были какие-то. Врач уверил меня, что они справились, и сейчас её состояние стабильное.

Игнат кивнул.

- С ребенком тоже всё ок?

- Да. Слава Богу.

Мужчины замолчали, каждый погрузившись в свои мысли.

- Душно. Пойдем выйдем на крыльцо, - предложил Михаил. Стены больницы нещадно давили на плечи. Как и большинство людей, он не любил медицинские учреждения и посещал их при крайней необходимости, хотя по максимуму следил за здоровьем и раз в год делал диагностику организма.

Тучи закрыли солнце, подул легкий ветерок, принося небольшое облегчение.

Мужчины вышли из здания и спустились со ступеней.

Зареченский закинул голову к небу и протяжно выдохнул.

- Хреново как-то.

Игнат положил руку на плечо и похлопал.

- Прорвемся. Главное - и Настя, и малыш живы.

- Да.

Михаил повернул голову влево и увидел, как прямо на асфальте сидел парень лет двадцати в камуфляжной форме и, держась за голову, раскачивался из стороны в сторону.

- Что с ним?

- Невеста находилась в метро... Умерла...

Михаил задержал на парне взгляд, искренне соболезнуя ему. Скорее всего, из полиции или та же гвардия. Молодой. Потерять любимую девушку ужасно. К тому же, невесту.

- Игнат.

Он кивнул на парня.

Безопасник кивнул в ответ.

Вызванная ими карета скорой помощи приехала вовремя.

Глава 5

- Что думаешь делать дальше?

- Ничего.

- Менять планы не будешь?

- Нет.

Михаил попросил Игната посидеть с ним. Они остались в городской квартире, что находилась в пятнадцати минутах езды от клиники, где лежала Настя. Врачи заверили его, что они окажут самую необходимую помощь и самый лучший уход. Михаил знал - так и будет.

– Мы вам сообщим сразу же, как она придет в себя.

– Её бессознательное состояние никак не влияет на ребенка?

– Мы наблюдаем, Михаил Николаевич.

Черт!

Если что-то случится с ребенком...

Зареченский гнал от себя дурные мысли. Остаться одному не хотелось. До теракта и несчастья с Анастасией на душе было паршиво, теперь втройне.

Сначала Игнат отнекивался и не хотел пить.

– Я отвечаю за твою безопасность.

– Даров, я снимаю с тебя сегодня все твои полномочия. Расслабься и давай уже... разливай.

Игнат, покачав головой, открыл коньяк и молча разлил. Мужчины выпили, не поморщившись и не закусывая.

Они сидели на большой веранде, закрытой с трех сторон огромными панорамными стеклами. Архитектор постарался на славу – создавалась иллюзия, что находишься на веранде загородного дома: уютный столик с садовыми креслами, несколько карликовых кустарников, посаженные в кадучки вьюны.

Квартира Михаила занимала весь этаж, балкон был достаточно большим и просторным. Учитывая, что она располагалась на предпоследнем этаже, вид открывался шикарный.

Мужчины не спешили говорить и изливать душу. Порой посидеть в тишине, в обществе друг друга куда полезнее и значимее.

По молодости, когда кровь бурлит, и адреналин хлещет во все стороны, хочется музыки, драйва, ночных тусовок, клубов и разговоров до утра. С возрастом предпочтения меняются и зачастую хочется тишины. Молчаливых взглядов, которые скажут больше любых слов. Слова обманут, ускользнут. Глаза врут куда реже.

Но и они могут.

Игнат разлил по второй, мужчины снова выпили.

- Тихая ночь. Спокойная.

- Теплая.

- Когда ты сидел последний раз вот так на балконе, Зареченский?

- Кажется сидел с Настей как-то.

- Как-то или реально сидел?

- Отвали, Игнат.

Безопасник усмехнулся.

- Чего скалишься? Сам-то помнишь себя? Когда отдыхал душой?

- Работа не позволяет.

- Ну-ну. Или сам себе не позволяешь?

- Я - другое.

- Скажи это кому-то ещё, не мне.

Игнат налил третью.

Когда пьют, не задают вопросов. Не философствуют. Не поднимают темы, которых нельзя касаться.

Совпало, что им обоим необходимо было помолчать в компании. Михаил с Игнатом идеально понимали друг друга, не даром столько лет жили и работали бок о бок.

Мысли Зареченского снова вернулись к жене. И Игнат поинтересовался, что он собирается делать. После случившегося кто-то изменил принятое решение. Он – нет.

Ни к чему...

Когда Настя говорила ему, что любит, он ей верил. В ответ он ей никогда не признавался, потому что считал, что любовь между мужчиной и женщиной не доступна. Да, он относился к числу тех пресловутых циников, для которых отношения между полами строились на доверии, комфорте и приятном сексе. То, что было более – это уже «клиника».

Хватит, посмотрелся он на «любовь» в детстве.

Так посмотрелся, что до сих пор оскомину во рту ощущает.

Их отец любил мать той самой клинической любовью. Сходил по ней с ума. Жить без неё не мог в прямом смысле этого слова.

Михаил с раннего детства знал, что между родителя не всё так просто. Перед ним и позже, когда родилась сестренка, они делали вид, что у них всё хорошо. Шикарно. Что они самая счастливая семья: мама, папа, сын и лапуля-доча. На людях так и было, но когда взрослые оставались одни... Михаил слышал, как родители часто ссорятся, закрыв двери. И иногда они забывали, что в доме не одни.

Первый раз маленький Миша услышал их разговор, проходя мимо отцовского кабинета.

– Коля, нет...

– Лида, черт побери, сколько можно...

Злой, агрессивный голос отца удивил Мишу. Он никогда не разговаривал в подобном тоне ни с ним, ни тем более с мамой. Поэтому маленький Михаил и притормозил, он с детства отличался любопытством.

– Коля, я не хочу.

– А когда ты хочешь?! Скажи, когда?..

– Коля...

Послышался шум, напоминающий легкую борьбу.

– Лида, я люблю тебя, ты это знаешь... Я схожу по тебе с ума! Подыхаю без тебя! Да я как подросток каждую ночь дрочу, вспоминая, как ты прикасаешься ко мне своими пальчиками! А что в итоге?

Далее следовал всхлип, напугавший не на шутку Мишу. Но и слова отца врезались в сознание. Миша был достаточно взрослым, чтобы понимать значение слова «дрочу».

– Хорошо, Коль, давай здесь. Только, прошу, по-быстрому. Ладно?

– Маленькая моя...

– Коль, по-быстрому, прошу...

Мама Михаила, потрясающе красивая, всегда ухоженная женщина с мягким взглядом оказалась абсолютно холодной в отношении секса. Подобные разговоры будут всплывать не раз в их доме, разбавленные обвинением Лидии в измене мужу. Тот будет вспыхивать и кричать: «Если бы ты со мной спала, подобного не было бы!»

В какой-то момент скандалы родителей выйдут за пределы спальни и кабинета, и упреки будут сыпаться при взрослеющем сыне.

Михаил видел, как отец относился к матери. Как он смотрел на неё. Как сдувал пылинки.

Порой его взгляд напоминал взгляд безумца, одержимого одной единственной женщиной.

– Я жить без неё не могу, сын... Подыхаю...

Михаилу исполнится шестнадцать, когда отец, получив очередной отказ от матери, напьется.

– А другие? Секретарша Вика... модель Надежда...

– Другие... Нет других, сын. Нет. И никогда не будет. Запомни, любовь – это яд. Это – проклятье. Не дар, как пытаются нам его преподнести и навязать. Нет ничего хуже в жизни, чем эта долбанная любовь. Зависимость от другого человека. Необходимость видеть, чувствовать, быть рядом. Не влюбляйся, сын. Не позволяй яду проникнуть в кровь и отравить твою жизнь. А мама... Мама у тебя потрясающая. Самая лучшая...

Отец говорил противоречиво. Надрывисто.

А потом Михаил помогал ему дойти до спальни, потому что тот был не в состоянии передвигаться самостоятельно.

Михаил запомнил его слова, да и они полностью совпадали с его взглядом на мир и на женщин в частности.

К тому же он точно знал, ПОЧЕМУ погибли его родители в один из дождливых осенних вечеров...

Поэтому он даже не спрашивал себя: а что он чувствует к жене. Любит или любил ли Настю? Когда он задавал себе подобный вопрос, то всегда вспоминал Дину, родную сестру: «Задаешься подобным вопросом, значит, не любишь. Это аксиома».

Кого-кого Зареченский любил, так это свою немного сумасшедшую младшую сестренку, увлеченную лженаукой – парапсихологией. Они остались сиротами, когда ему только-только исполнилось восемнадцать, ей – восемь. Лишь благодаря связям, и тому, что он всё же оказался совершеннолетним, ему позволили взять опеку над Диной.

Да, нелегкие были времена. Смутные. Его становление, как личность. Похороны родителей. Переосмысление жизни и приоритетов. Маленькая растерянная сестренка с вечно влажными от непролитых слез аквамариновыми глазками.

Они остались вдвоем.

И да, восемнадцатилетний Зареченский точно знал, любовь – яд. Она не делает человека счастливым. Она его убивает.

Устраивало ли его такое восприятие мира и отношений? Абсолютно. Комфорт и удобство – вот главное, что должно быть. Остальное – выдумка, иллюзия.

Болезнь.

Кстати, про Дину. Черт, он, кажется, забыл сообщить ей о случившемся.

Выругавшись вслух, потянулся за айфоном.

– Что?

Игнат мгновенно почувствовал изменение в настроении Зареченского. Иногда начальник службы охраны Михаилу напоминал зверя. По крайней мере, чутье у него было точно звериное. А ещё взгляд – недобрый, опасный, сканирующий. Он прекрасно владел множеством психологических техник, в том числе и нейролингвистическим программированием и, по мнению Зареченского, был одним из самых опасных людей, которых он знал.

Иметь такого врага – врагу не пожелаешь.

– Забыл позвонить Дине.

- Где она сейчас у тебя?

- Где-то в Калмыкии.

- Там связь есть?

- Сейчас узнаем.

Он набрал вызов и принялся ждать ответа.

- Да, Мишунь, привет.

Только сестре позволялось называть его разными уменьшительно-ласкательными именами, и, в зависимости от настроения сестренки, он мог быть Минькой, Мишей, Мишуней, Мишаней. Иногда его подобное злило, чаще забавляло.

Дина... Она же такая мелкая. Забавная. Родная. Смешная. Она его семья.

- Привет. Не спишь?

- Разбудил, - сонный девичий голос вызвал легкую улыбку на лице Михаила.

Он скучал по своей немного сумасбродной сестренке.

- Извини. Я с не особо хорошими новостями. Слышала, возможно, у нас теракт в Москве. Пострадала Настя.

Тишина в трубке неожиданно насторожила Зареченского. Он ожидал более активной реакции сестры.

- С ней всё хорошо?

- Уже да.

- А с ребенком?

– По нему у врачей нет нареканий. Ни разу мне не сказали, что с ним плохо или происшествие как-то могло отозваться на его развитии. Зато меня удивляет твоя реакция, Дин. Я ожидал охов и ахов.

И снова в трубке образовалась недолгая тишина.

– Миш, я тебе ничего говорить не буду. Уже говорила... Настя и ты... Ваши судьбы вроде бы и соединены, но...

Она замолчала, а Зареченский откинулся на кресло и закатил глаза. Всё-таки его сестренка сумасбродка. И откуда в ней взялась вся эта паранормальная чушь? Нет, чтобы окончить приличный университет, подтянуться к бизнесу или хорошо, он даже согласен на другой сюжет. Пусть она, как и большинство девушек её положения, сутками бы пропадала по бутикам да ночным клубам с элитными тусовками. Так нет же, повело её в какую-то непонятную степь.

И в Калмыкию она подалась тоже за специфическими знаниями.

– Дина, не хочу об этом, – он дотронулся пальцами до переносицы и потер её. Усталость, как обычно, накатила неожиданно. – Сама как?

– Ты где? В больничке сейчас?

Она проигнорировала его вопрос.

– В городской квартире.

– А почему не в больничке? – в голосе сестренки послышались недовольные, осуждающие нотки.

– Настя под присмотром врачей.

– Ты должен быть с ней.

Дина ещё не знала, что они находятся на стадии развода. Михаил ничего не говорил. Ни к чему раньше времени расстраивать сестру.

- За ней приглядывают врачи.

- Миш, - она сделала очередную паузу, которая очень не понравилась Зареченскому. - Я прошу тебя - поезжай к ней. Ты ей сейчас очень нужен.

- Она спит.

Он соврал и глазом не моргнул.

Меньше всего ему нравилась перспектива провести ночь у кровати предательницы-жены.

- Поезжай, пожалуйста. Сделай это ради... меня.

- Дина...

- Миш.

- Черт!

- Не ругайся.

- Да я...

Он оборвал себя, проведя рукой по волосам.

Единственный человек, который без зазрения совести и без последствий мог манипулировать им и вить из него веревку, была сестренка. Эта мелкая заноза, упрямая до ужаса и настойчивая до беспредела. Если что-то вбивала себе в голову, всё, не отступить, пока не добьется своего. Он был таким же, но их различие заключалось в том, что он порой не гнушался грязными методами игры, всё-таки большой бизнес налагал определенные правила поведения, Дина же, напротив, настаивала, но всегда руководствовалась моралью. Для неё мораль и человеческие принципы были на первом месте. И он считал, что это правильно. Пусть не он, так она в их семье будет правильной, хорошей и обязательно счастливой.

- Хорошо, я сейчас поеду к ней.
- Сам за руль не садись. По голосу слышу - выпил.
- Всё-то ты знаешь, сестренка.
- Я просто очень сильно люблю тебя, Минька. Утром позвоню.
- Когда в Москву?
- Пока не знаю.
- Давай возвращайся. Кто меня на путь истинный будет наставлять?
- Да ну тебя! Ты у меня самый лучший, добрый, потрясающий! Просто хорошо шифруешься!
- Спокойной ночи, малявка.

Игнат, пока они разговаривали, разлил ещё.

- Поедешь?
- Да.
- Возьми Артема.
- Возьму.
- В больнице дежурят ребята.

Михаил кивнул и потянулся за спиртным. На душе с каждым выпитым стаканом становилось всё тяжелее. События переплетались, накладываясь одно на второе.

– Кстати, Даров. Что там с этой мадам Мистерией?

Игнат недобро улыбнулся.

– Через два дня наша мадам прибывает в Москву.

– Организуй встречу.

– Естественно.

– И это... не переусердствуй.

– Как скажешь.

– Кто у неё в покровителях? Выяснил?

– Да.

Игнат назвал несколько знакомых фамилий.

– Никого, с кем бы мы не могли до этого иметь дело.

Михаил кивнул.

Он ещё не решил, что будет делать с мадам Мистерией. Не до неё как-то разом стало. Но то, что её бизнес закончился – это не вызывало сомнений.

– Мне нужна её картотека. Кому она ещё стала свахой, интересно же.

Ни для кого не секрет, что в их мире знание – сила. Что тот, кто обладает знанием, обладает и самим миром.

Михаил никого не собирался выводить на чистую воду. Многие предпочитают быть обманутыми. Он – нет.

Выпив и с шумом поставив стакан, Михаил поднялся.

– Даров, будь другом, свяжись с Артемом. Я спущусь через десять минут.

– Хорошо.

Походкой трезвого человека, Михаил покинул веранду, прошёл в ванную, где включил холодную воду, дал ей немного стечь и лишь потом несколько раз, зачерпнув полную пригоршню воды, плеснул себе в лицо.

Сна не было ни в одном глазу, но общее состояние оставляло желать лучшего, да и вообще попадало под характеристику «дерьмовое».

В голове – каша. Полнейший раздрай. Давненько жизнь не пришибала его так низко к земле.

Наверное, со дня смерти родителей и когда велись долгие переговоры с юристами и с органами опеки, которые не спешили оставлять ему на попечительство маленькую Дину.

Ничего, справился тогда, разрулит всё и сегодня.

Для Зареченского именно личные дела становились самыми сложными.

На хера вообще женился?

Детей захотел, идиот. Поступил бы, как западные, да и их российские звезды шоу-бизнеса. Заключение бы договор с суррогатной матерью, и все дела. Нет, ему семью захотелось. Настоящую. И что в итоге? Только пыль да прах.

Артем, немного заспанный, с помятым лицом уже ждал его внизу.

– Доброй ночи, Михаил Николаевич.

– Привет.

- Куда едем?

- В больницу, к Насте.

Рухнув на сиденье, Михаил пожалел, что не взял с собой спиртного. Желание напиться в хлам не пропало.

Они проехали квартал, когда Михаил сказал:

- Артем, остановись у любого магазина, сходи за виски.

- Михаил Николаевич, вы уверены?

Обеспокоенный взгляд водителя скользнул по работодателю.

- Да. Давай.

Пока Артем ходил за спиртным, Зареченский сидел в машине, откинув голову назад и закрыв глаза. В голове стояла звенящая тишина, когда нет ни одной толковой мысли.

И это было хорошо.

Очень хорошо.

Артем вернулся быстро. Протянул пакет и негромко проговорил:

- Я ещё нарезку взял.

- Спасибо.

Они тронулись, а Михаил открыл бутылку и сделал несколько глотков прямо из горла. Жидкость обожгла внутренности, но мужчина даже не поморщился.

Ничего. Вот так...

Ещё один глоток. И ещё один.

Он не закусывал. Ни к чему.

В клинику они прибыли далеко за полночь. Пошатываясь, Зареченский вышел из машины и, запрокинув голову, посмотрел на небо. Какую-то часть заволокли тучи, где-то пробивались звезды. Луны не было.

– Михаил Николаевич?

Артем оказался рядом.

– Подожди в машине. Не думаю, что я долго.

Поднимаясь по ступеням, Михаил задал себе вопрос – для чего он это делает? Для чего он приехал в клинику? Его мучают угрызения совести? Нет. Мужнин долг? Тоже нет. Ему вообще сейчас на многое по хер... Тогда что его толкнуло на то, чтобы сесть в машину и приехать ночью в клинику? Разговор с сестренкой? Да тоже нет.

Тряхнув головой, Зареченский прогнал не нужные сантименты. Приехал и приехал. Значит, так надо.

Он вошел в большой холл и огляделся. Стены выкрашены в приятный бело-серый цвет, кое-где переходящий в насыщенно серый. Несколько кожаных диванов расставлены по периметру холла. Черно-белые фотографии дополняли интерьер. Большая стойка ресепшена располагалась посередине холла.

– Добрый вечер.

К Михаилу подошёл охранник в черном.

– Извините, но у нас со спиртным нельзя.

Только тогда Михаил понял, что прихватил с собой виски. Недобро усмехнувшись, он всучил бутылку охраннику и молча двинулся по холлу.

Он знал, где находится палата Настёны. Сообщили. Пришлось подниматься по эскалатору на второй этаж. Что ж, VIP-клиентам самое лучшее. Чтобы посторонние не беспокоили лишний раз.

Два парня из охраны сидели на диванчике рядом с палатой Насти и негромко о чем-то беседовали. Завидев Зареченского, мгновенно встали и поприветствовали. Тот махнул рукой.

– Всё нормально. Идите, кофе попейте.

В палате было просторно, приглушенный свет создавал иллюзию домашнего уюта. На стене висела большая плазма, по бокам снова фотографии пейзажей. Два кресла стояли у большого окна.

И только кровать с оборудованием выбивалась из общей картины.

Михаил некоторое время постоял в дверном проеме, не моргая глядя на кровать и на лежащую на ней Настёну.

Приглушенный свет не позволял рассмотреть малейшие нюансы произошедших с ней изменений, но и то, что он видел – было достаточно. Бледная кожа, синяк на скуле, несколько царапин, заклеенных медицинским пластырем. Хорошо, что уже без капельницы.

Михаил прикрыл за собой дверь и прошел в комнату. Оглядевшись, заметил стул. То, что надо. Ему же сейчас надлежит исполнять роль трепетного и заботливого мужа, так ведь? Поэтому да, переносим стул к кровати и садимся рядом.

На больничной кровати – пусть и удобной, вразрез отличающейся от тех сетчатых, что имелись в муниципальных – Настя казалась маленькой и трогательной. Реснички трепетали, рот чуть приоткрыт. Руки у неё лежали поверх покрывала, что бережно оберегал выпирающий живот.

Рот и живот привлекли внимание Михаила.

Первый, потому что как бы он не относился сейчас к Насте, ему нравилось целовать её. А ещё нравилось видеть, как эти алчные алые губки смыкаются на его члене, который сейчас дернулся при восприятии в голове картины секса. Что-что, а секс с Анастасией ему нравился.

Второй вызывал прямо противоположные чувства. Нежность. Желание проявить заботу, погладить его, удостовериться, что человек, живущий внутри, здоров и чувствует себя хорошо.

И снова ураган эмоций пронесся по душе Зареченского. Ярость и трепетность соединились воедино, вызывая целое цунами, будоража и раздирая внутренности в лохмотья.

К черту всё...

Настю. Их брак. Отношения с любыми другими девушками. Отберет у неё ребенка и будут они жить вдвоем. Воспитает. Без материнской любви тоже дети растут, и кто бы, что бы ему ни говорил о неполноценности, он даст ребенку всё, что требуется. И, судя по тому, как с ним торгуется Настя, как раз материнской любовью тут и не пахнет. Голый расчет и выгода. Всё как всегда.

Дрянь.

Руки сжались в кулаки.

И после этого Даров его ещё спрашивает, не изменил ли он своего мнения из-за теракта и то, что в нем невольно пострадала Настя. С какого перепугу он должен смягчиться?

Настя, как кошка, у которой девять жизней. Придет в себя, отряхнется и дальше будет его шантажировать беременностью, выбивая большую сумму, при этом её алый рот будут исторгать слова любви и клятвы верности. Придушить хочется эту вероломную суку.

Зареченский подался вперед, впитывая в себя черты лица жены.

А ведь красивая... Даже сейчас. С израненным лицом, с синяками. Одни ресницы чего стоят. Длинные, изогнутые. Трепещущие.

Мужской взгляд скользнул вниз.

Грудь. Шикарная. Такая, какая ему нравится. Не маленькая, но и далекая от четвертого размера. Он уже представлял, как она нальется за период беременности и станет охрененно аппетитной во время кормления малыша. Подумал и осекся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/do-tebya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)